

Читайте в серии:

«СЛЕПОТА»

«ЕВАНГЕЛИЕ ОТ ИИСУСА»

«ВОСПОМИНАНИЯ О МОНАСТЫРЕ»

«ПЕРЕБОИ В СМЕРТИ»

«КАМЕННЫЙ ПЛОТ»

«СТРАНСТВИЕ СЛОНА»

«ГОД СМЕРТИ РИКАРДО РЕЙСА»

Жозе
Сарамаго

ВОСПОМИНАНИЯ
О МОНАСТЫРЕ

Москва
2024

УДК 821.134.3-31
ББК 84(4Пор)-44
С20

José Saramago

MEMORIAL DO CONVENTO

Copyright © Jose Saramago & Editorial Caminho, SA,
Lisboa-1991. Published by arrangement with Dr. Ray-Gude
Mertin, Literarische Agentur, Bad Homburg, Germany.

Перевод с португальского *Александры Косс*

Художественное оформление обложки
и карт таро *Витаны Маковской*

Сарамаго, Жозе.

С20 Воспоминания о монастыре / Жозе Сарамаго ; [перевод с португальского А. Косс]. — Москва : Эксмо, 2024. — 384 с. (Таро Сарамаго. Великие романы мастера метафор)

ISBN 978-5-04-197283-7

Романы нобелевского лауреата Жозе Сарамаго насыщены метафорами. Через них можно познать себя, как и через карты таро.

«Воспоминания о монастыре» часто сравнивают с произведениями Гарсия Маркеса «Сто лет одиночества» и Умберто Эко «Имя розы». Магический реализм переплетается с португальской обыденностью XVIII века.

Они познакомились, когда ее мать горела на костре святой инквизиции. Балтазар Семь Солнц и Блимунда Семь Лун отныне и вовек вместе. Он — бывший солдат с крюком вместо левой руки. Она — проклята даром смотреть «внутри» людей и предметов. Пока дон Жуан V тешит свое самолюбие и сгоняет со всей страны на грандиозную стройку монастыря своих подданных, они собирают летальную машину по чертежам эксцентричного священника. Пассарола взмлет в небо, когда солнце, эфир и украденная Блимундой воля тысячи людей сольются воедино. Однако не просто так существует миф об Икаре. За мечту о небе придется дорого заплатить.

УДК 821.134.3-31
ББК 84(4Пор)-44

ISBN 978-5-04-197283-7

© Косс А. перевод на русский, наследники. 2024
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательство «Эксмо», 2024

*Посвящается Изабел,
ибо она ничего не губит и не повторяет,
но все создает и обновляет*

Шел один человек на виселицу; другой повстречал его и спрашивает: «Что случилось, сеньор, почему идете вы таким путем?» А приговоренный в ответ: «Я не иду, эти люди ведут меня».

*Падре Мануэл Вельо**

Je sais que je tombe dans l'inexplicable, quand j'affirme que la réalité — cette notion si flottante, — la connaissance la plus exacte possible des êtres est notre point de contact, et notre voie d'accès aux choses qui dépassent la réalité.

*Marguerite Yourcenar**

Дон Жуан, пятый носитель этого имени* в списке португальских королей, отправится нынче ночью в опочивальню жены своей, доны Марии-Аны-Жозефы, каковая более двух лет назад прибыла из Австрии, дабы подарить инфантов португальской короне, и все еще не забеременела. Уже идут разговоры и во дворце, и за его пределами, что, может статься, чрево королевы неплодно, недоброе предположение, не предназначенное для ушей и языков доносчиков, им делаются только с близкими людьми. О том, что виноват король, и думать нечего, во-первых, потому что бесплодие — недуг, поражающий не мужей, но жен, по сей причине и отвергают их так часто, а во-вторых, есть тому и доказательство вещественное, буде таковое понадобится, ибо в королевстве немало незаконных отпрысков королевского семени, что правда, то правда. Вдобавок не король, а именно королева без устали молит небо ниспослать ей дитя, и причин тому также две. Первая причина та, что ни один король, а тем более португальский, не просит того, что дать властен только он и никто другой, а вторая причина та, что поскольку женщина есть по природе своей сосуд приемлющий, то ей самой природой определено быть просительницей и молить Бога как во время девятидневных стояний, так и от случая к случаю. Но нет прока от упорства короля, каковой дважды в неделю, не жалея сил, исполняет свой

монарший и супружеский долг, отступаясь лишь в случае религиозного запрета либо физического недомогания, нет прока от терпеливости и смирения королевы, каковая не только молится, но и принуждает себя к полной неподвижности после того, как супруг покинет тело ее и ложе, дабы должным манером соединились общие их соки, у королевы скудные по недостатку охоты и потому что пора не подошла, и еще из-за христианнейшей нравственной ее сдержанности, а у монарха обильные, как и положено мужчине, которому еще двадцати двух не сравнялось, и однако ж ни молитвы, ни старания супруга покуда не помогли доне Марии-Ане понести. Но Господь велик.

И почти по мерке Господней велик римский собор Святого Петра, что возводится королем. Возводится это сооружение без котлована либо фундамента, прямо на столешнице, которая могла бы и не быть столь мощной, дабы выдержать сей груз, груз собора в миниатюре, покуда еще разъятого на составные части, вставляющиеся одна в другую по древней системе «встык» и почтительно подносимые королю четырьмя дежурными царедворцами. Ларец, из коего их достают, благоухает ладаном, и пунцовый бархат, в который они обернуты по отдельности, дабы лик какого-нибудь изваяния не поцарапался о ребро какого-нибудь пилястра, поблескивает при свете громаднейших восковых свеч. Работа близка к завершению. Все стены уже прочно вставлены в пазы, колонны подпирают карниз, по которому бегут латинские буквы, возвещающие имя и сан Павла V из рода Боргезе* и давно уже не останавливающие на себе внимания короля, хотя очам его приятно созерцать порядковое число, сопутствующее имени папы, ибо оно такое же, как и у самого короля. Для монарха скромность была бы недостатком. Он втыкает в специальные отверстия на верхней части карниза фигурки святых и пророков, и придворный кланяется всякий раз, когда, развернув драгоценный бархат, подает ему на ладони статуэтку, пророка, лежащего кверху

задом, святого, лежащего вперед ногами, но никто не обращает внимания на невольную сию непочтительность, тем паче что король сразу же восстанавливает порядок и торжественность, подобающие при священнодействии, расставляя по местам изваянных стражей. Но видят они с высоты не площадь Святого Петра, а короля португальского и прислуживающих ему придворных. Видят пол балкона, служащего королю молельней, видят занавеси, которыми задернут вход в королевскую часовню, а назавтра, в час заутрени, если не вернутся они, закутанные в бархат, в ларец, увидят короля, набожно повторяющего слова святой литургии в окружении свиты, в состав которой уже не войдут дворяне, прислуживающие ему сейчас, ибо неделя кончается, и новые заступят на дежурство. Под балконом этим есть еще один, он тоже выходит в каплицу либо молельню за занавесями, но там ничего не сооружают, там уединяется королева во время богослужения, однако даже святость места не помогает ей забеременеть. Осталось только поместить купол Микеланджело, сей претворенный в материю экстаз, в данном случае поддельный и хранящийся из-за чрезмерной своей громоздкости в особом ларце, и поскольку возведение собора на этом заканчивается, действие сие производится с особой помпезностью, и все споспешествуют королю, и с превеликим грохотом выступления входят в соответствующие пазы, и дело завершено. Если мощный стук, прогремевший на всю часовню, донесся, миновав залы и длинные переходы, до покоя или опочивальни, где ждет королева, пусть узнает она, что супруг ее направляется к ней.

Пусть подождет. Покамест король еще готовится к ночи. Камердинеры раздели его, облачили в костюм, подобающий для ложа и отвечающий духу времени, предметы одежды при этом передавались из рук в руки с той же почтительностью, с коей отроковицы вверяли бы друг дружке реликвии святых угодниц, и все это свершается в присутствии прочих слуг и пажей, этот выдвигает ящик, тот отдергивает занавеску,

один поднимает свечу повыше, другой прикрывает огонек ладонью, двое стоят не шевелясь, еще двое следуют их примеру, но что делать множеству других, неизвестно, и неизвестно, зачем вообще они здесь находятся. Наконец общими усилиями король облачен, один дворянин расправляет последнюю складочку, другой расшитое жабо, и мига не пройдет, как дон Жуан V отправится в покои королевы. Кувшин ожидает, когда к нему пожалует источник.

Но вот входит дон Нуно да Кунья, епископ-инквизитор, а с ним старик францисканец. Между моментом их прихода и моментом, когда будет изложена цель визита, сложные поклоны и приветствия, оба замирают, пятятся, соблюдая ритуал, в подробности коего мы входить не будем, поскольку епископ торопится, а монах объят священным трепетом. Дон Жуан V и инквизитор отходят в сторону, и говорит инквизитор, Этот монах, брат Антонио ди Сан-Жозе*, поведал я ему о печали вашего величества из-за того, что нет детей у госпожи нашей королевы, и просил я его молить Господа о ниспослании наследников вашему величеству, и отвечал он мне, что будут у вашего величества дети, коли вы, государь, того пожелаете, и тогда спросил я его, что хочет сказать он такими темными словами, ибо всем ведомо, что желает ваше величество иметь детей, и отвечал он мне на то ясно и понятно, коли ваше величество даст обет возвести монастырь в селении Мафра, пошлет вам Бог наследников, и, сообщив это, умолк дон Нуно и кивком подозвал францисканца.

Спросил его король, Правда ли то, что узнал я сейчас от его преосвященства, стало быть, если дам я обет возвести монастырь в Мафре, будут у меня дети, и монах ответил, Правда это, государь, но в том лишь случае, если будет монастырь францисканским, и снова спросил король, Откуда вы знаете, и брат Антонио отвечал, Знаю, а откуда, и сам не ведаю, я лишь уста, коими глаголет истина, коли веруешь, больше и ответить нечего, постройте, ваше величество, монастырь, тогда будут дети, а не будете строить,

все в воле Господа. Мановением руки отпустил его король, а затем осведомился у дона Нуно да Куньи, Добродетелен ли этот монах, а епископ ответил, Добродетельней никого у них в ордене не сыщешь. Тогда дон Жуан, пятый носитель сего имени, удостоверившись, что не зря возьмет на себя обязательство, возвысил голос, дабы ясно слышали все присутствовавшие и наутро стало бы известно обо всем в столице и в королевстве, Даю обет, и вот мое королевское слово, что построю своим радением францисканский монастырь в селении Мафра, если в течение года, считая с нынешнего дня, королева родит мне ребенка, и все сказали, Да услышит Господь слова вашего величества, и никто не мог взять в толк, кто же или что в сем случае подвергнется испытанию, то ли сам Господь Бог, то ли добродетель брата Антонио, то ли мужская сила короля, то ли покуда не проявившаяся способность королевы к деторождению.

Дона Мария-Ана беседует со своей главной камеристкой, португалкой маркизой ди Уньян. Они уже обсудили благочестивые дела за нынешний день, поговорили о посещении монастыря Непорочного Зачатия, что в Кардайсе, принадлежащего ордену босоногих кармелиток, и о девятидневных стояниях в честь святого Франциска Ксаверия, которые начнутся завтра в церкви Святого Роха, разговор, достойный королевы и маркизы, душеспасительный и в то же время слезливый, когда произносят они имена святых, сокрушенный, когда заходит речь о мученичестве либо об особых покаяниях, кои налагают на себя монахи и монахини, пусть это всего лишь тяготы поста или тайные муки, причиняемые власяницею. Но король уже повелел доложить о себе, он идет к супруге, и дух его распален, взбудоражен мистическим сопряжением плотского долга и обета, что дал он Богу через посредничество и по предстательству брата Антонио ди Сан-Жозе. Вместе с королем вошли два камердинера, они освободили его от лишних одежд, маркиза таким же манером помогла коро-

леве, как женщина женщине, ей пособила еще одна дама, графиня, да вторая главная камеристка, не менее именитая, прибывшая из Австрии, в опочивальне сушая ассамблея, их величества приветствуют друг друга, церемониям нет конца, но вот камердинеры удалились в одни двери, дамы в другие, камердинеры будут ожидать в передней, дабы проводить короля в его покои, принадлежавшие во времена короля-отца королеве-матери, и тут пускай себе приходят дамы, дабы лучше укрыть дону Марию-Ану пуховиком, который она тоже привезла из Австрии и без которого не может спать ни зимою, ни летом. Из-за этого самого пуховика, удушливо-жаркого даже в холодную февральскую пору, дон Жуан V и не проводит всю ночь возле королевы, хотя вначале проводил, покуда новизна превозмогала ощущение неудобства, и неудобства немало, ибо король был весь в поту, своем и королевинном, а королева, укутавшись с головой, прела в смеси запахов и испарений. Дона Мария-Ана приехала не из жаркой страны, она не переносит здешнего климата. Она с головой накрывается широченным и пышнейшим пуховиком и замирает, свернувшись клубочком, точно крот, наткнувшийся на камень и раздумывающий, в какую сторону повести дальше подземную галерею.

Король и королева облачены в длинные сорочки, волочащиеся по полу, сорочка короля касается пола вышитой каймой, сорочка королевы стелется по полу на добрую пядь, дабы не было видно кончиков ног, большого пальца или прочих, из всех известных проявлений бесстыдства это самое рискованное. Дон Жуан V ведет дону Марию-Ану к кровати, держа ее за руку, словно кавалер даму во время танца, и прежде чем по ступенькам взобраться на ложе, оба, каждый со своей стороны, преклоняют колени и читают молитвы, необходимая мера предосторожности, дабы не умереть без покаяния во время плотского совокупления, а также дабы эта новая попытка увенчалась успехом, и в этом смысле у дона Жуана V есть двойная причина надеяться, он упо-

вает на Бога и на собственную силу, а потому с удвоенной верой молит Господа о наследнике. Что же касается доны Марии-Аны, надо полагать, она просит тех же милостей, если только нет у нее особых причин не желать таковых, но это уже тайна исповеди.

Вот они возлегли. На кровать, доставленную из Голландии, когда королева прибыла из Австрии, кровать заказал сам король, она обошлась ему в семьдесят пять тысяч крузато*, ибо в Португалии нет столь изощренных искусников, а если б и нашлись, им бы, само собой, столько не заплатили. Неискушенному оку и не распознать, точно ли из дерева сие великолепное сооружение, обтянутое роскошным штофным шелком, затканым и расшитым золотыми цветами и замысловатыми узорами, а о балдахинной ткани и говорить нечего, хоть на облачение для самого папы. Когда кровать поместили в опочивальне, клопы в ней еще не завелись, она ведь была новешенькая, но потом появились, оттого что ею стали пользоваться, от телесного тепла, пробрались из других дворцовых покоев либо из города, поди знай, откуда берутся эти твари, а поскольку кровать сработана из таких дорогих материалов и так изукрашена, нельзя было опалить ее с помощью горячей тряпки, дабы выжечь нечисть, и осталось одно только средство, да и то бесполезное, платить святому Алексию пятьдесят реалов в год, может, избавит королеву и всех нас от бича сего и от расчесов. В те ночи, когда приходит король, клопы начинают истязать королеву попозже, потому что, пока он здесь, тьюфяки колышутся, а эти насекомые любят покой и спящих людей. А на ложе короля другие клопы дожидаются причитающейся им порции крови, которая, по их суждению, не лучше и не хуже, чем кровь других жителей, будь она голубая или естественного цвета.

Дона Мария-Ана протягивает королю потную и холодную рубку, которая, даже согревшись под пуховиком, тотчас же остывает на ледяном воздухе опочивальни, и король, который

уже исполнил свой долг и вполне полагается на свою веру и на плодотворность трудов своих, целует ей ручку — как королеве и будущей матери, если только брат Антонио ди Сан-Жозе не заврался. Дона Мария-Ана дергает шнурок сонетки, с одной стороны входят камердинеры, с другой стороны дамы, в тяжелом воздухе застоялись разные запахи, один из них вошедшим легко опознать, без этого запаха невозможны такие чудеса, как то, которое ожидается сегодня, ибо другое чудо, чудо бестелесного оплодотворения, свершилось единожды и больше не повторимо, и свершилось затем лишь, чтобы все знали, Господь, коли захочет, может обойтись без мужчин, но без женщин никак нельзя.

Хотя духовник королевы постоянно твердит, что совесть ее может быть покойна, дона Мария-Ана терзается в таких случаях великими душевными муками. Когда король и камердинеры уже удалились и легли спать дамы, прислуживающие ей и охраняющие ее сон, королева всегда думает, что ей бы следовало встать, дабы прочесть последние молитвы, но поскольку, по словам врачей, она должна хранить неподвижность, точно сидящая на яйцах наседка, она довольствуется тем, что без конца их бормочет, перебирая четки все медленнее и медленнее, покуда наконец не засыпает посреди Богородице, Дево, радуйся, Благодатная, ей-то легко было, благословен плод чрева Твоего, и она думает о плоде собственного чрева, таком долгожданном, только бы был ребенок, Господи, только бы был ребенок. Она никогда не признавалась на исповеди в этой невольной гордыне, такой отвлеченной и такой невольной, королева могла бы со всем чистосердечием дать присягу, что она всегда взывала только к Богоматери и к Ее чреву. Все это извивы королевского подсознания, к ним относятся также и сны, которые всегда снятся доне Марии-Ане после того, как король посетит ее опочивальню, попробуй-ка объясни эти сны, ей снится, что идет она по Террейро-до-Пасо* в ту сторону, где бойни, приподняв спереди юбку и скользя по жидкой и липкой

грязи, пахнувшей каким-то мужским запахом, а в это время инфант дон Франсиско, ее деверь, обитавший прежде в ее нынешних покоях, пляшет вокруг, взгромоздившись на ходули, словно черный аист. Об этом сне она тоже никогда не рассказывала на исповеди, да и что духовник мог бы сказать в ответ, в книге, что учит, как нужно исповедовать, об этом ничего не говорится. Пусть спит себе спокойно дона Мария-Ана, невидимая под пуховой горой, а клопы тем временем выползают из щелей, из складок, а то бросаются вниз с высокой спинки, для скорости.

Дону Жуану V в эту ночь также приснится сон. Приснится ему, что из его плоти возросло древо Иессеево, ветвистое и все заселенное предками Христа*, и сам Христос тут же, наследник всех царств, а затем рассыпалось древо, и на месте его воздвигся во всей мощи, с высокими колоннами и колокольнями, и куполами, и башнями, монастырь францисканский, как это видно по облачению брата Антонио ди Сан-Жозе, который распахивает настежь церковные ворота. Темперамент такого склада не слишком распространен среди королей, но Португалии на королей всегда везло.

И на чудеса тоже везло. Еще не время говорить о том, которое лишь назревает, впрочем, не такое уж это и чудо, просто подарок свыше, милосердный и благосклонный взгляд, устремленный долу, на бесплодное чрево, подарок, состоящий в рождении инфанта в положенный срок, нет, пора повести речь об истинных и засвидетельствованных чудесах, каковые предвещают благо королевскому обету, ибо были явлены не где-нибудь, а в неопалимой купине францисканской.

Вот, к примеру, знаменитая история смерти брата Мигела да Анунсысан*, каковой был избран отцом-провинциалом от третьего ордена святого Франциска и избрание какового, скажем попутно, но вполне к месту, сопровождалось ожесточенной войной, а начали оную клирики приходской церкви Святой Марии Магдалины и повели ее против само-